

Моей замечательной жене Джине,
с которой мы прошли десять миль
сквозь снежный буран в Чикаго...

От автора

В первую очередь хочу поблагодарить мою супругу Джину и моих дочерей Мэдисон и Калиссу за любовь и поддержку. Отдельная благодарность Джине, которой пришлось вытерпеть не только все безумства моей исследовательской работы, но и меня самого.

Также не могу не сказать спасибо родителям Лерою и Эмили, водившим меня еще ребенком на бесчисленные фильмы, привившим мне любовь к историям. Благодарю отдельно мою маму Эмили, которая всегда читала мои еще не опубликованные произведения, и тещу Карен, которая лучше всех помогала моим книгам продаваться.

Проводя исследование для создания данной книги, я прошел своеобразную стажировку в правоохранительных органах. Без неоценимой помощи сотрудников полиции роман никогда не был бы закончен. Хотелось бы особо выделить шерифа округа Монтгомери Джима Вацци и всех его подчиненных, службу шерифа округа Дюпейдж и заместителя шерифа Эндрю Барниша, Управление полиции Маттесона и, в частности, Аарона Добровица, а также офицера полиции в отставке, действующего писателя Майкла А. Блэка.

Огромное спасибо Джону и Гейл Ханафин за поддержку, которую они оказали мне в благотворительном фонде Ассоциации по борьбе с онкологическими заболеваниями округа Монтгомери. В знак высшей благодарности имя

одной из героинь книги — Элеонор Адар Шоу-филд — составлено из начальных букв имен их матерей и внуков (Адам, Даниель, Ашли, Ребекка).

К сожалению, некоторая часть подготовительной работы по той или иной причине часто не входит в книгу. Я высоко ценю усилия Торнтона Куорри и Дейва Уэнслоскиса, предоставивших замечательный материал к одному из оставшихся за страницами романа эпизодов. Уверен, что смогу использовать его в одной из следующих книг.

И, как обычно, проект не состоялся бы без помощи моего наставника, издателя и друга Лу Ароники, а также моих прекрасных агентов Дэнни Баррора и Хедер Баррор-Шапиро. Также огромное спасибо моему другу с той стороны океана, английскому издателю Тиму Вандерпампу за его титанический труд (он занимался моей книгой, несмотря на то, что в этот период у него родился сын Оскар). Также следует сказать, что я не достиг бы успеха без дружеских отношений с другими писателями, состоящими в Международной ассоциации авторов триллеров, без их советов.

Благодарю всех перечисленных мною людей, а также моих потрясающих читателей. Без вас мои мечты так и остались бы мечтами.

I

Фрэнсис Акерман-младший окинул взглядом бульвар Макартура из окна белого бунгало, украшенного медно-красной отделкой. На другой стороне дороги торчал зеленый знак с желтой надписью: «Детская площадка Моссвуда. Департамент парков и зон отдыха Окленда». На лужайке бегали и веселились ребяташки; их родители раскачивали качели, сидели на скамейках — кто с книжкой, кто с сотовым телефоном. Детство Акермана прошло совсем иначе. Игры, которыми занимал его отец, оставили незаживающие шрамы на теле и в душе. Маленький Фрэнсис не знал ни ласки, ни любви и в конце концов смирился с таким существованием. Его жизнь наполняли боль и хаос, и в этом был смысл, была цель.

Солнце бросало блики на смеющиеся лица, а Акерман представлял, как все изменится, если светило вдруг выгорит дотла и исчезнет с небосклона. Очистительный холод вечной зимы пройдет по миру и отмоет его, уничтожив скверну. Акерману виделись навечно застывшие мучительные гримасы, хрустальные шары глаз, отражавшие потусторонние миры, слышались затихающие крики. Какая красота! Он глубоко вздохнул и задумался: приходят ли подобные мысли в голову обычным людям, способны ли они постигнуть очарование смерти?

Акерман обернулся к троице, привязанной к стульям в глубине комнаты. Двое — полицейские в штатском, на-

правленные для наблюдения за домом. Старший из них, с редящими русыми волосами, носил тонкие, по линейке подбритые усы. Его молодой напарник был обладателем сальной шевелюры цвета воронова крыла и черных кустистых бровей, а также крючковатого носа, что нависал над тонкими розовыми губами и скошенным подбородком. Первый полицейский — очевидно, честный и усердный служака, не хуже и не лучше любого другого. А вот в молодом, напоминавшем хорька копе Акерману что-то не нравилось — возможно, выражение, затаившееся в глазах. Он подавил внезапный порыв врезать этому парню, стереть с его лица злобную мину.

Сделав над собой усилие, Акерман ограничился улыбкой. Чтобы извлечь информацию, необходимо было устроить небольшое показательное выступление, и Хорек идеально подходил для этой цели. Акерман несколько секунд смотрел в глаза молодому копу, потом подмигнул ему и обернулся к последнему пленнику. Точнее, пленнице.

Розмари Филлипс, женщина с волосами цвета соли с перцем, была одета в выцветшую толстовку с эмблемой «Окленд рейдерс». На ее гладких темно-шоколадных щеках кое-где виднелись старые оспины. Она производила впечатление сильного, уверенного в себе человека. Таких людей Акерман уважал, но, к сожалению, сейчас ему требовался ее внук. Акерман найдет его, даже если придется убить всех троих.

Он вытащил кляп изо рта женщины. Розмари молчала.

— Привет. Простите, что не представился должным образом раньше, когда связывал вас. Меня зовут Фрэнсис Акерман-младший. Когда-нибудь слышали обо мне?

Розмари ответила на его взгляд.

— Видела по телевизору. Вы — серийный убийца. Над вами экспериментировал ваш отец, пытался вырастить монстра. Насколько я понимаю, у него получилось. Но я вас не боюсь.

— Прекрасно, — улыбнулся Акерман. — Ста-
ло быть, официальную часть опустим и перейдем непо-
средственно к делу. Знаете, почему я попросил этих двух
джентльменов присоединиться к нам?

Розмари повернула голову к полицейским и посмотрела
на Хорька. В ее глазах Акерман заметил отвращение. По всей
видимости, Розмари он тоже не понравился. Что ж, тем ин-
тереснее будет, когда Акерман начнет пытаться молодого копа.

— Замечала я этих двоих тут неподалеку, — сказала жен-
щина. — Я уже говорила в полиции, что мой внук не идиот.
Он здесь ни за что не покажется, а я о нем ничего не слы-
шала с тех пор, как началась эта заваруха. Только они меня
не слушают. Видать, считают, что удобнее следить за домом
пожилого человека, вместо того чтобы патрулировать улицы,
за что мы им платим. Вот вам работа нашего правительства.

— Понимаю, что вы имеете в виду, — снова улыбнулся
Акерман. — Никогда особо не уважал власти. Но, видите
ли, я тоже разыскиваю вашего внука. И у меня-то как раз
нет ни времени, ни терпения ждать, не заглянет ли он на
огонек. Предпочитаю прямые пути, поэтому и прошу вас
быть со мной откровенной. Где я могу найти вашего внука?

— Говорила им, повторю и вам: понятия не имею.

Акерман подошел к высокой горке красного дерева, сто-
ящей у стены. Старинная, добротно сделанная вещь. На
полках и на столешнице теснились семейные фотографии.
Акерман взял снимок улыбающегося чернокожего парня,
обнимающего Розмари; оба позировали на фоне праздни-
чного золотисто-голубого торта.

— Розмари, я подготовился к нашей встрече и знаю, что
внук в вас души не чает. Вы были тем спасательным кру-
гом, что удерживал его на плаву в любой шторм. Наверное,
вы — лучшее, что есть в его жизни. Единственный человек,
который его любит, наверняка знает, где он прячется. Вы
поделитесь со мной этой информацией — так или иначе.

— Да вам-то что за дело до моего внука? Какое вы име-
ете к нему отношение?

— Никакого, и он для меня ровным счетом ничего не значит. Но есть один человек, до которого мне дело есть, и этот человек его ищет, а я хочу помочь, если это в моих силах. Согласен с вами в том, что наши чиновники-бюрократы действуют чертовски медленно, однако сейчас мы можем ускорить их работу.

— Не знаю, где он, — покачала головой Розмари, — а если бы и знала, такому чудовищу, как вы, не рассказала бы.

В голове Акермана эхом прозвучали слова отца: *Ты монстр... Убей ее, и боль пройдет... Тебя никто никогда не полюбит...*

— Уважаемая Розмари, вы ведь понимаете, что словом можно больно ранить? Впрочем, вы правы: я действительно чудовище.

Он поднял с пола спортивную сумку, кинул на журнальный столик, расстегнул молнию и, порывшись внутри, спросил:

— Слышали об испанской инквизиции? Я в последнее время много о ней читал. Интереснейший период! Главной функцией инквизиции был трибунал. Основали этот институт католические монархи — Фердинанд Второй Арагонский и Изабелла Первая Кастильская. Они планировали таким образом утвердить в своих королевствах католическую веру, особенно среди новообращенных иудеев и мусульман. Но меня завораживают не события минувших времен, а варварские, отвратительные пытки, которым во имя Господа подвергались люди, считавшиеся еретиками. Мы с вами думаем, что живем в жестокий век, однако наши воспоминания относятся к совсем недавнему прошлому. Любой прилежный студент-историк скажет, что наша эра — настоящая эпоха просвещения по сравнению с любым другим отрезком истории. Методы, которые применяли инквизиторы, чтобы выбить признание у жертвы, просто невообразимы. Надо отдать им должное, сказочная фантазия.

Акерман вытащил из сумки странное устройство.

— Древняя вещица. Ее прежний владелец настаивал, что это точная копия инструмента, использовавшегося во времена инквизиции. Разве можно не любить eBay?

Он поднял повыше диковинный предмет, составленный из двух больших шипастых кусков дерева, которые соединялись дюймовыми металлическими винтами, и дал пленникам возможность его рассмотреть.

— Это приспособление, названное «дробитель колена», использовали не только по прямому назначению. Когда инквизитор крутил винты, половинки устройства сближались, и шипы входили в плоть жертвы. Инквизитор закручивал винты все туже и туже, пока жертва не давала желаемый ответ. пытку прекращали и в том случае, если конечность допрашиваемого уже не воспринимала боль.

Розмари плюнула в лицо Акерману и заговорила с акцентом, характерным для жителей Джорджии. Ее слова звучали резко и уверенно: наверняка на этом диалекте женщина говорила в юности, и он проявлялся, когда Розмари была особенно взволнована.

— Вы все равно нас убьете, что бы я ни сказала. Я не сумею спастись сама и не спасу этих мужчин. Встретить собственную смерть — вот и все, что сейчас в моей власти. Я не стану унижаться перед вами и вам подобными. Не собираюсь молить о пощаде. Не дождетесь!

— Уважаю ваши принципы, — кивнул Акерман. — Вы не представляете, сколько я встречал людей, которые винят общество, да и весь мир, за то, что с ними что-то не так. Все мы в какой-то степени жертвы обстоятельств. Мы привыкли думать, что распоряжаемся собственной судьбой, однако наша жизнь подчиняется силам, над которыми мы не властны, которых не понимаем. Вот в чем состоит правда жизни. Нас дергает за ниточки невидимый кукловод, и от этого никуда не денешься. Знаете, где у нас реальные рычаги управления? — Он дотронулся кончиком лезвия пятнадцатидюймового ножа до своего виска. —

В голове. Я пришел не затем, чтобы вас убить. Удовольствия мне это не доставит. Однако меня тоже дергают за ниточки, как и любого из нас. Сегодня обстоятельства вынуждают меня причинить вам вред — только так я достигну цели. Я очень хорош в своем деле, уважаемая Розмари. Вся моя жизнь — постижение боли и мучений. Времени у меня не много, и я поделюсь с вами лишь толикой своего опыта, но, уверен, и этого будет достаточно. Вы мне все расскажете. Не сможете не рассказать. В вашей власти лишь повлиять на продолжительность собственных страданий. Итак, спрашиваю еще раз: где ваш внук?

Губы Розмари дрогнули, однако женщина промолчала.

Комната была пропитана ароматом корицы, и все же он не мог заглушить запаха пота и первобытного ужаса, которого Акерману так недоставало в последнее время. Он соскучился по страху, по осознанию своего могущества. Тем не менее возбуждение пока следовало сдерживать. Нельзя терять контроль над ситуацией.

— Начнем, пожалуй? Придется немного закрутить гайки — так ведь говорят? Вы удивитесь, но как раз на этом устройстве их и закручивают.

Акерман несколько минут забавлялся новой игрушкой, затем глянул на Розмари, подкрутил рукоятки, и полицейский забился от боли.

— Хватит! Я все скажу! — крикнула Розмари. — Он в Спокане, штат Вашингтон. Они прячутся в какой-то заброшенной слесарной мастерской. Нашли жулика-риелтора, тот и пустил их. Я уговаривала внука сдать ся полиции, даже думала сама обратиться в участок, но живыми они с друзьями не дадутся. Внук — это все, что осталось от моей семьи...

По щекам женщины побежали слезы.

Акерман нагнулся над машинкой, ослабил зажимы, сдавившие ноги полисмена, и голова пленника тут же бесильно откинулась на спинку стула.

— Благодарю, Розмари. Я вам верю и даже со- чувствую. Ваш внук — плохой парень, однако это ваша плоть и кровь, и вы, несмотря ни на что, его любите.

Он подошел к столу, выдвинул стул, сел прямо перед Розмари и вытащил маленький блокнот в кроваво-красной обложке.

— Я отношусь к вам с уважением, ценю вашу откровенность. Только поэтому дам вам шанс спастись. — Акерман открыл блокнот, вытащил из него ручку и начал писать. — Хочу, чтобы вы сами определили исход нашей маленькой игры. На первом листе я пишу «Хорек». Это наш первый полицейский. — Он вырвал страничку, скомкал ее и положил между ног на сиденье стула. — На втором листе напишем «Джеки Глисон»*. Это будет второй коп. Дальше — «Розмари». И еще два листка: на одном я пишу «никто не умрет», на другом — «все умрут».

Акерман перемешал смятые бумажки и сложил на полу у ног Розмари.

— Надеюсь, смысл игры ясен? Тем не менее поясню: вы тянете жребий, а я убиваю того, чье имя вы выбрали. И все же у каждого из вас есть двадцать шансов из ста остаться в живых. Предупреждаю: если вы откажетесь играть или будете долго тянуть, я с удовольствием убью всех. Прошу не сопротивляться судьбе. От вас сейчас зависит одно: какой жребий вы вытянете. Не питайте ложных надежд — других вариантов нет. Если поступите неправильно, это лишь усугубит ситуацию. Выбирайте.

Розмари устремила на Акермана взгляд, полный ненависти, и тот вспомнил доктора Кендрика из психиатрической лечебницы Седар-Милл. Врач однажды сказал, что у Акермана повреждена группа взаимосвязанных структур мозгового вещества — паралимбическая система, отвечающая за эмоциональную сферу, процесс целеполагания и мотивации, а также самоконтроль. Доктор изучил

---

* Джеки Глисон (1916–1987) — американский комедийный актер и музыкант. — *Здесь и далее примеч. пер.*